

Дмитрий КРАСЬКО

TAXI

ЗА ФЛАЖКАМИ

Дмитрий Красько

За флaжкaми

«Автор»

2013

Красько Д.

За флажками / Д. Красько — «Автор», 2013

Мешковский заехал перекусить в придорожную забегаловку – и стал свидетелем криминальной разборки. Единственным. Таких свидетелей, известно, не любят, и Мешковский становится объектом охоты. Но, охотникам на беду, объект оказывается готов к такому повороту событий. Неважно, что у противника больше возможностей и масса связей, в том числе среди людей в погонах. Пока госпожа удача на стороне Мешковского, пока немногочисленные, но преданные друзья готовы прийти на помощь по первому зову – врагу победы не видать! (Выходил в изд-ве «Эксмо» как «Не включай таксисту счетчик», К. Казанцев).

© Красько Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	5
2	13
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Красько

За флажками

Татьяне Федоровой

С любовью

Автор

1

Не то, чтобы я очень хотел есть, просто непонятная, как улыбка младенца, погода, давила на желудок, вызывая к чувству его собственного достоинства. Желудок в ответ апеллировал ко мне, напоминая о долгой и непримиримой дружбе, которой мы дарили друг друга уже тридцать лет. И просил топлива. И угрожал, что, если топлива не будет, он начнет жрать сам себя, а это чревато. Гастритом, язвой и нездоровым цветом кожи.

В моих мечтаниях нездоровый цвет кожи не значился ни под первым, ни под вторым – вообще ни под каким номером. Да и не враг же я собственному желудку, в конце концов. Тридцать лет – смешная цифра, а я планировал прожить с ним еще как минимум столько же. Без резекций и прочих медицинских терминов. А потому высмотрел на обочине дороги более или менее прилично выглядевший кафетерий и припарковался около него.

Денег я с собой утром не взял, рассчитывая, что на чаевые смогу перехватить чего-нибудь во время обеденного перерыва. Обычно такой номер проходил на «ура», трапеза получалась большей частью обильной. Но в этот раз вышло несколько иначе. Нет, ну скажите, кто мог подумать, что кретин с деньгами закажет такси, чтобы отвезти в стельку пьяную супругу аж за триста километров от города – в деревню, к теще. При этом он заплатил такую сумму, что требовать что-либо поверх обычной таксы мне совесть не позволила.

В общем, заработал я ровно столько, сколько было нарисовано на счетчике. И хотя, при прочих равных, половина этой суммы все равно была моей, но только с завтрашнего дня. А сегодня, получается, был у входа в это кафе без копейки денег.

Однако если вы думаете, что по такому случаю я, Миша Мешковский, собрался пухнуть идохнуть с голоду, то я вам скажу, что вы совершенно не знаете этого типа – Мишу Мешковского. Он, то есть я, был несколько иного мнения на сей счет. Без зазрения совести взяв из кормушки тридцатку, выбрался из машины и направился внутрь здания. Вычтут из моей доли, ничего страшного. Да и то – если к вечеру не успею сбить шару. Что не проблема – до конца смены оставалось еще несколько часов.

Кафе, вполне приличное снаружи, неплохо выглядело и изнутри. Штук пять столиков в небольшом уютном зале, длинный бар с чистым барменом посередине – все это аппетита не портило.

Я подошел к стойке и, честно посмотрев бармену в глаза, спросил:

– За гарсона тоже ты?

– Что угодно? – очень вежливо спросил он. У меня от приторного тона аж носки вспотели, но бить его я не стал, поскольку умел держать себя в руках.

– А что у вас есть?

– А что вас интересует?

Я посмотрел на свое отражение в висевшем на стене зеркале. Вроде, не debil. И без лишних дырок в голове. А вот с барменом договориться не умею. В чем тут дело – вопрос.

– Меня жратва интересует, натурально, – я постарался прорисовать ситуацию едва не по слогам. Вдруг это не у меня с головой проблемы, а у бармена.

Но тот опроверг сие предположение, нагло усмехнувшись в мое лицо и протянув меню:
– Если желаете – пельмени, вареники. По запросу клиента можем подать с майонезом, сметаной, маслом. Можно и чего попроще – бургеры, хот-доги, беляши. Можно и посложнее – люля-кебабы по-бостонски, фаршированные ежики...

Ну, натурально, парень издевался надо мной и даже не скрывал этого. Обидно – мне, трудовому элементу, от какого-то засранца такое терпеть.

– А по лицу? – злобно поинтересовался я, однако бармен не испугался:

– Чем желаете? – немедленно отреагировал он. – Могу сковородкой, могу бутылкой, могу...

Я не дал ему договорить. Я кушать хотел. Сгреб его за грудки и резко рванул к себе, отчего барменская тушка слегка проехала по стойке бара. Он попытался перехватить мою руку, но я накануне вел тверезый образ жизни, а потому на реакцию пожаловаться не мог – легко перехватил его ладонь и, вывернув чуть не наизнанку пальцы, предостерег:

– Но-но! Ты тут не очень! К тебе клиент пришел, нормальной платежеспособности, между прочим. А ты хамски грубишь и ведешь себя неподобающе. Я же у тебя не денег в долг прошу и не кусочек секса – сам с бабами предпочитаю, хоть ты и будешь смеяться. Но я кушать желаю, а не выслушивать твои плоские шутки. А если у тебя такая нужда приспела, мог бы и по-хорошему сказать. Я бы после обеда остался, пообщались. А теперь давай по существу вопроса. Двойная пельмешек что стоит?

– С майонезом или с маслом? – прохрипел он полузадушено.

– А я вот тебя сейчас самого и с маслом, и с майонезом, да еще и в разных ракурсах, – пригрозил я. – Ты не смотри, что я голодный, меня еще хватит с тобой разобраться, крест на пузо! Цену говори!

– С маслом – семь, с майонезом – восемь, – поторопился сказать бармен, и я отпустил его – в награду за расторопность. Он съехал с мраморной столешницы и, недовольно сопя, застыл по ту сторону стойки, ожидая дальнейших действий с моей стороны. В его взгляде легко, как в букваре, я читал всего два чувства: злость и желание подсыпать цианистого калия в жратву. Последнее вызывало определенные сомнения, но я решил рискнуть: ехать дальше в поисках следующей забегаловки, потерпев неудачу в этой, было неохота. И хотя под взглядом бармена я чувствовал себя довольно неуютно, решил не больше не накалять атмосферу – и без того испытывал неловкость за внезапную вспышку агрессивности. Вообще-то я человек мирный, когда трезвый, и даже добрый. Что на меня нашло – ума не приложу. Наверное, перегрелся. И, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, буркнул:

– Давай и тех, и других. С майонезом – двойную. И два кофе с сахаром, – после чего развернулся и направился вглубь зала, где занял столик и поселился, ожидая, пока будет выполнен заказ.

Ждать пришлось не сказать, чтобы долго. Гарсон, хоть и был изрядно сердит на меня и затягивал дело, как мог, сильно в этом не преуспел – помешали высокие технологии в виде микроволновки, которая, не считаясь с его желаниями, разогрела три моих порции пельмешек точно в те сроки, какие были указаны в ее техпаспорте. И гарсон ничего с этим поделывать не сумел. Поэтому, когда он появился у столика, его лицо было кислым, как беляш трехдневной давности.

Я проследил, как он бросил на стол тарелки с пельменями и стаканчики с кофе и поинтересовался на всякий случай:

– Что-то больно ты плохо выглядишь. Желудком маешься? – и, кивнув на заказ, добавил:

– Ничего, кушать можно? Не отравил?

– Жри, – буркнул он. – Я сегодня стрихнин дома забыл.

– Ай, скажи, какая жалость! – я покачал головой. – Ничего, вернешься – скушаешь. Не пропадать же добру.

Гарсон буркнул что-то невразумительное, то ли «Пошел на хер», то ли «Служу Советскому Союзу», я, честно говоря, не разобрал, развернулся и пошел прочь. Я посмотрел ему вслед, хмыкнул и уткнулся в тарелку. Конечно, нехорошо у меня с этим мишугенером получилось, некрасиво. Ну, да если разобраться – я-то здесь при чем? Я вполне культурно попытался заказать покушать, а он меня вот так – моральной мордой о вполне физический стол. Не сказать, конечно, чтобы я был идеально спокойным человеком, но ведь тут и каменный дедушка Ленин возмутится, если его сюда принести и поставить на мое место. И я решил, что бармен получил то самое, за что боролся, на чем успокоился и принялся поедать пельмени.

А он, снова заняв свое место за стойкой бара, принялся вершить там свои барменские дела, время от времени прерываясь, чтобы бросить в мою сторону уничтожительные взгляды. Не совру – тяжелой артиллерии до этих взглядов еще тянуться. Но я был непотопляем, непробиваем и несбиваем. Каждый раз, зыряка в мою сторону, бармен натыкался на мою невозмутимо жующую физиономию.

Но не стоит небо гневить. Несмотря на бармена, который упорно пытался пробить мою броню своими буркалами, чувствовал я себя довольно сносно. Пельмени оказались на редкость вкусными, обстановка – уютной. Почему-то в кафешке не было других посетителей, хотя, на мой взгляд, они совершали непростительную ошибку. Впрочем, отсутствие клиентов било по карману хозяев заведения, но отнюдь не по моему аппетиту, который я продолжал утолять с планомерной настойчивостью. Как сказал петух старого негра, любовь останется любовью, а кушать хочется всегда. И, как сказал старый негр, не дай бог так оголодать.

В общем, я наслаждался пельменями, которые один за другим ссыпал в желудок, сопровождая процесс потоками кофе, и ни о чем больше не думал. Идиллия, за которую пострадали все революции без исключения, вечная им память.

Жаль только, что этот праздник жизни продолжался недолго. Ничто, вроде, и не предвещало его конца – вокруг царили мир и спокойствие. Даже бармен, и тот временно затих, прекратив обстреливать меня из своих бронебойных глаз – наверное, ждал подвоза боеприпасов, – когда за окном что-то хлопнуло и полыхнуло, но что это было, сразу разобрать не удалось. Потому что за хлопком и вспышкой, секунда в секунду и никак иначе, разлетелось на осколки затемненное стекло фасада, срезая по пути бегонии-петунии и прочие фикусы (а один осколок чуть не снял с меня скальп), но я, в рубашке родившийся, уцелел назло всем. Чего не скажешь о моей шевелюре, которая была безнадежно испорчена сверху.

Огорчиться я, опять-таки, не успел. Что-то серьезное рвануло в кухне, и из открытой двери повалил дым. Потом там еще долго что-то звенело-грохотало, очевидно, котлы да прочая утварь, которую разметало взрывом и которая теперь неприкаянно искала пятый угол.

Я обалдел. Да любой бы на моем месте обалдел. Очередной пельмень застрял у меня в самой середине пищевода и не думал продолжать движение. С его стороны это было сущим свинством, потому что он ставил меня в крайне неловкое положение, лишая возможности дышать, но я доподлинно знал, что ни вверх, ни вниз он двигаться в ближайшее время даже не подумает.

Однако саботаж пельменя я осознал не сразу. Потому что и без него на время лишился дыхания, с удивлением наблюдая за происходящим. Я буквально окаменел, так что неподвижный пельмень в моем зобу прекрасно вписывался в общую картину.

С минуту я наблюдал за барменом. Он был прекрасен, как лучший фильм года. Не поймите меня неправильно, но в данный момент он вполне тянул на «Оскара». За эти шестьдесят – плюс-минус десять – секунд по его физиономии проскакал такой табун чувств и эмоций, что у меня язык отвалится, начни я их перечислять. Но одно мне стало ясно наверняка: случившееся для него было такой же неожиданностью, как и для меня, так что я даже почувствовал нечто вроде облегчения – все-таки, понимаешь, не одинок оказался в своем непонимании происходящего.

И тут бармен заткнул меня за пояс, первым придя в себя. Он на мгновение скрылся под стойкой бара, потом появился вновь, и в руках у него вместо тряпочки, которой он до недавнего времени что-то усердно натирал, была очень внушительная вещь – карабин Симонова на пять зарядов. И, ничтоже сумняшеся, он выпустил все эти пять зарядов в расстекленное окно.

Пока я медленно – по сравнению с бушующими вокруг событиями – разворачивался, в мозгу что-то щелкнуло, и я придумал мысль. Она заключалась в том, что карабин под стойкой держался, скорее всего, для острастки – бывает, и довольно часто, что вечерние посетители желают продолжить гулянку, не считаясь при этом с мнением хозяев. В таких ситуациях один только вид оружия побуждает взяться за ум и подобрать руки в ноги. Но едва ли ствол до сегодняшнего дня применялся по прямому назначению. Получается, бармену просто повезло, что он оказался заражен. Хотя и эта деталь вряд ли была ему на руку. Потому что разрядил он его не целясь. Я, во всяком случае, ничего подобного не заметил. А значит, нанести кому-то серьезный ущерб шансов почти не было. С тем же успехом он мог отнести патроны в туалет и отправить их в долгое-долгое путешествие, используя в качестве отправной точки очко унитаза.

Такая прорва мыслей пронеслась в моей голове за тот недолгий промежуток времени, что я поворачивался к окну.

А после того, как поворот был завершен, никаких мыслей не стало вообще. Потому что я заметил, как из окна темно-бордового джипа, из которого в трех местах были выдраны изрядные куски железа – да что он, дум-думом, что ли карабин заряжал,?! – появилось нечто, по форме весьма напоминающее жерло двуствольной базуки. И я, не успев, да и, собственно говоря, не пожелав ни в чем разбираться, грохнулся на пол и пополз к выходу.

Сверху что-то шмелисто прожужжало и разорвалось позади меня. Звук взрыва был каким-то необычным. Кроме сухого грохота, похожего одновременно и на гипертрофированный пердеж, и на слишком громкий треск разрываемой мешковины, было еще нечто липкое, мерзкое. С ходу даже трудно подобрать сравнение. Ну, к примеру, звук, который издает пудовый камень, падая с десятиметровой высоты в вязкую жижу болота. Или глубоководная рыба, которая посредством внутреннего давления разрывается на палубе корабля. Что-то в этом роде. Очень неприятное.

С детства не приученный к пластунскому способу передвижения, я не особенно преуспел в достижении своей цели – выхода из кафетерия, – когда раздался этот второй по счету взрыв. Любой нормальный человек в такой ситуации стал бы рвать когти из этого дикого бардака, а я зачем-то оглянулся. Что-то внутри возлюбопытствовало, желая разобраться, в чем же причина хлопающей составляющей взрыва, которая, потонув в общем грохоте, тем не менее растеклась по его поверхности, как растекается ложка масла по поверхности бочки воды.

То, что я увидел, заставило проглоченные пельмени совершить обратное путешествие. Правда, где-то на выходе я успел их перехватить и волевым решением опустил обратно в желудок: не для того их кушал, чтобы теперь сблевывать на пол. Хотя, конечно, повод для этого был более чем уважительный – нечто, похожее на кишку, свисало с бра, которое, в бытность бармена живым, находилось у него за спиной. Малопривлекательное зрелище. Лишенный кишок таким варварским способом, парень был мертв. Мне сразу взгрустнулось и припомнился наш последний разговор. Стрихнин ему, получается, уже не понадобится. Обошелся подручными средствами.

Рассуждать можно было сколько угодно, но заниматься этим лучше было не здесь и не сейчас. Я вполне осознавал это – не такой уж тупой, не думайте. Но ничего с собой поделат не мог. Тело, словно намагниченное, вдавилось в пол и не желало совершать никаких подвигов. В голове тоже образовалась редкостная пустота, только одна полная досады мысль билась о стенки черепа – отчего я невезучий? Миллионы таксистов ежедневно заезжают в придорожные забегаловки на предмет чего-нибудь перекусить, и с ними ничего не происходит – они кушают

и убывают по своим делам, не нарываясь на неприятности и не попадая под обстрел из двухствольной базуки. А вот Миша Мешковский, для друзей просто Мишок, есть, вероятно, обладатель потрясающей способности появляться в ненужное время в ненужном месте, по причине чего постоянно попадает в различные хипеши и неприятные ситуации. Бедный Миша. Мне его, себя то есть, до невероятия жаль.

Пока я насилывал на полу свою нервно-мышечную систему, пытаюсь заставить-таки туловище действовать, ситуация вообще накалилась до предела. За разбитым окном, там, где я видел спаренное жерло базуки, хлопнула автомобильная дверь, очевидно, выпуская кого-то на свет божий, а потом чей-то голос сообщил: «Да он его завалил, Стебель!». И разнокалиберный набор шагов направился в мою сторону. Ну, может, и не совсем в мою, но в сторону разгромленного кафе – точно. Очевидно, нападавшие спешили удостовериться, что сделали свое дело так, как задумывали.

Оставаться в позе прибалдевшей медузы посреди обеденного зала стало, мягко говоря, неразумно. Встреча с парнями, для которых стрельба по живым людям из базуки – все равно, что поход к унитазу, в мои планы не входила. Если моя физиономия придется им не по вкусу – а так оно и будет, стопроцентная гарантия, – то все объяснения относительно того, что я оказался здесь случайно, просто лелея мечту закинуть в желудок тышечку-другую килокалорий, можно смело оставлять при себе, потому что пользы от них никакой не будет.

Конкретнее – надо было смываться. Что я, с похвальной целеустремленностью, и проделал, разом замирившись со своим прежде окаменевшим от абсурдности происходящего телом. С тем фактом, что нужно брать ноги в руки и дуть туда, где меня потом, если до того дойдет, даже дотошные археологи не откапают, оно спорить не решилось.

Вскочив на четвереньки, я рысцой промчался в сторону кухни, из распахнутой двери которой, как из Рейхстага, все еще валил густой то ли дым, то ли пар. И, как я ни старался, по пути все равно умудрился разглядеть окружающую среду. Радости от увиденного не испытал, но мозг, поверх мыслеобразующей коры, покрылся еще и коркой ужаса. Примерно той же толщины, какой после взрыва бранные останки бармена покрыли бар и стеллажи за ним. Бомба, судя по всему, угодила akurat в паренька. Малоприятно, но, по крайней мере, тот хоть не мучился. Просто растекся слизью по пространству – и все.

Сдерживая отчаянные рвотные позывы, я прошмыгнул сквозь дымовую завесу, скрывающую вход в кухню, уделавшись при этом в крови и прочей грязи. Разглядывать внимательнее, что там осталось от зала, бара и самого бармена, не хотелось. Просто желания не возникло. Было желание спрятаться. Ну, я и спрятался.

Оказалось, как раз вовремя. Стрелки-любители, скрипнув дверью, ворвались в зал и грозно затопали там.

Я прижался спиной к стене справа от входа и затих. Даже дыхание затаил, что со мной бывает нечасто. Знать, время пришло.

– Ё-о, Шкилет! – сказал чей-то голос в зале. – А ты, кажись, в яблочко угодил. Этого терпилу по всей галерее размазало.

– Да пошли отсюда, – отозвался Шкилет. – Нехрен нам тут делать. Ежу понятно, что тут полный абзац. Кто нас здесь засветить может? В кухне если кто и был – давно жмур. Или обосрался да ноги сделал.

Я с облегчением вздохнул, но не громко. Ежели так, то да. То конечно. Уйдут – и хорошо. Посидеть немного, потом выбраться из кафешки, сесть в машину и уматывать подальше и побыстрее. Такой вариант устроил бы меня со всех сторон. Но – увы.

– Стой, Шкилет! – предостерегающе возвысился второй голос. – Там, снаружи, тачка какая-то. Такси. Ты че, слепой, в натуре? Если этот конь попалил наши номера, то стуканет, как пить дать. Ему самому срок мотать резона нет. А если он стуканет, то загремим мы. Нет,

Шкилет, если он живой, то его надо найти и сделать мертвым. Да и в любом разе кухню пробить надо.

– Это да, – согласился Шкилет с той стороны стены. – Верно подметил.

Я бы, конечно, мог и возразить. Более того, если бы спросили меня, я бы указал на кучу несуразностей в речи осторожного. Но меня не спрашивали, а сам я высовываться не торопился, справедливо рассудив, что слушать мои доводы они станут лишь после того, как проделают в башке две-три лишние дыры. Я же, при всем моем жизнелюбии, с такими повреждениями разговаривать не смогу. А посему счел за лучшее удалиться.

Нырнув в клубящиеся облака дыма-пара, которые оказались все-таки больше паром, чем дымом, я, по-прежнему на четвереньках, пополз подальше от входа в кухонное помещение. Путь мой пролегал по недоваренным и по вполне готовым к употреблению блюдам. Первая граната, разгромившая здесь все, попала, очевидно, в самую гущу котлов. Повара, сколько бы их здесь ни было, действительно сделали ноги.

Вскоре под ладонями заскользили фирменные пельмени. Мне было жаль пропадающей вкуснятины, но подбирать ее с пола я не стал. Вместо этого вспомнил зачем-то тот пельмень, что застрял в моей глотке в самом начале этого кошмара, и подивился, что не помню, когда успел его проглотить.

Пока удивлялся этой загадке природы, моя рука на что-то наткнулась. Я присмотрелся и с трудом удержал спазм в горле – передо мной лежал труп молодой девушки с разорванным горлом и напрочь обваренной головой. Настолько, что лица невозможно было разглядеть. Оно походило, да простится мне такая вольность, на вареную куриную попку – такое же сморщенное и непонятное. Только волосы цвета спелой пшеницы могли бы о чем-то рассказать, но и они держались на честном слове – дерни, и отойдут от черепа вместе с кожей.

Дергать я не стал. Трясаясь, как припадошный, при воспоминании об этой неприглядной картине, свернул в сторону и, нащупав широкую щель между двух печей, заполз туда. Ну их нафиг, эти трупы. Не к добру они посреди дороги валяются.

Двое стрелков из базуки остановились у входа и принялись совещаться. Шкилету казалось, что не стоит зря подставлять свою задницу, а его напарник был твердо уверен, что это необходимо. Он мотивировал свое решение и матом, и просто так, но слушать его мне все равно было неприятно, потому что это меня он собрался сыскать в парном мареве кухни. И пускать в расход он собрался тоже меня. Я же такой перспективой мало вдохновлялся, но изменить ее не мог, хотя и жаждал этого всеми фибрами души.

Осторожный в конце концов уломал Шкилета, и они хором, как сиамские близнецы, шагнули в храм желудка. Я целиком выдохнул воздух, сразу став похожим на использованный презерватив, и затаился в расщелине, постаравшись слиться с окружающей обстановкой.

Понять мои чувства – много ума не нужно. Я был ошеломлен внезапностью произошедшего. Моя неподготовленность, помноженная на мою же растерянность и загнали меня в эту расщелину, где раньше никто, кроме крыс и тараканов, находиться не осмеливался. Теперь я уподобился крысам и тараканам. Гордиться, конечно, нечем, но живой – и на том спасибо.

Если говорить начистоту, то морально я был убит не меньше, чем Змей Горыныч после того, как Добрыня завязал ему узлом последнюю голову. Мне, Мише Мешковскому, прошедшему огонь, воду, медные трубы и громкие барабаны, стыдно в этом признаваться, но это так. И у старухи бывает прореха, как сказал один знакомый геронтофил, когда его судили за групповое изнасилование и группа изнасилованных единогласно показала, что он действовал в одиночку.

Да, я был мертв. Но мои пальцы – это было что-то с чем-то, они жили отдельной от меня жизнью и умирать раньше надежды не собирались. Пока я читал себе заупокойную, они, беспокойные, шарили по полу и нашарили-таки нечто весьма увесистое. Это был половник. Не бог весть какое оружие, но если им по умному распорядиться, то кто знает.

После этого случилось чудо. Аккурат такое, какое имело место без малого две тысячи лет назад в далекой древней Иудее. Я, понимаете, воскрес. Ну, ясно, только морально, потому что физически и не умирал.

Заполучив в руки надежду в виде половника, я приободрился и даже усмехнулся. Хотелось верить, что ухмылка получилась жестокая – примерно как у удава, который собрался отобедать обезьяной. Чтобы, значаща, все враги в страхе отступили, потому что я кровожадный и беспощадный. Враги, правда, меня видеть не могли, но я улыбался вовсе не ради них. Мне нужно было вернуть себе веру в то, что за право жить я еще подерусь. И я стал ждать.

Шкилет с напарником явно разделились, потому что звон посуды и чертыханье доносились с двух сторон. Это, конечно, была их большая ошибка – продвигаться вперед отдельно друг от друга, но они об этом пока не догадывались. Да и до меня – а только я мог сообщить об ошибке – им было еще далековато. Но я ждал.

Гулкий дребезжащий грохот наполнил помещение так неожиданно, что я вздрогнул. Откуда-то прилетел голос Шкилетова напарника, вспомнившего чью-то мать и все грехи ее юности. Шкилет, который оказался гораздо ближе ко мне, чем я ожидал, поинтересовался, что там случилось и отчего такая канонада.

– Да вытяжная труба хлопнулась, сука позорная, – с готовностью отозвался острожный. – Висела, видать, на самых соплях, а я ее задел. Черт бы побрал этот смог, ни хрена ж не видать...

– А ты, Стебель, поаккуратнее, поаккуратнее, не буровь, не при напролом, – посоветовал Шкилет.

Его голос раздавался уже совсем близко, и я понял, что дождался. Повезло, конечно, но ведь везет достойным везения. Шкилет был совсем рядом. Высунув голову из своего укрытия, я явственно различил его ноги, обутые в дурацкие бело-синие кроссовки с фальшивой нашлепкой «Reedok» и автомат в волосатой руке. Примерно до пояса было видно достаточно четко, но выше все расплывалось в сплошном тумане. Впрочем, такой расклад был мне на руку.

Осторожно положив половник рядом с ногой Шкилета, я протянул руки, примерился и, обхватив его голяшки, резко рванул к себе.

Вас когда-нибудь дергали за ноги, когда вы этого не ожидаете и вообще думаете, что находитесь в полном одиночестве? Нет? Ну, я так и думал. Сообщаю, что это очень неприятно. К такому выводу я пришел, глядя на Шкилета. Он даже не пытался устоять на ногах. Взмахнул руками и грохнулся на пол. Перед этим еще пытался что-то крикнуть, но голос остался где-то вверху, а голова резко скользнула вниз, так что крик даже не успел разрастись и раскатиться по затуманенному помещению. Раздалось только что-то вроде ненавязчивого хрюканья, тут же перекрытого звоном кастрюльной крышки, на которую опустился Шкилет со всей высоты своего роста.

Прежде, чем он успел что-то предпринять – даже если собирался это что-то предпринимать, – я, с половником наперевес, оказался на нем в позиции «сверху» и дважды смачно приложился к его лбу. После этого всякое сопротивление оказалось бесполезным, да и просто невозможным, поскольку лоб Шкилета, кажется, не выдержал такого натиска и проломился.

Не слезая с его туловища, я натужно вполголоса выматерился, маскируясь под Шкилета. Как ни странно, Стебель купился на это и весело проорал из другого угла:

– Что, Шкилет, тоже на какую-то херню напоролся? А ты поаккуратней, поаккуратней.

Послав осторожного на хер все тем же хриплым, полузадушенным голосом, я высвободил автомат из цепких пальцев Шкилета и стал ползком пробираться к выходу. Пора было ставить точку, потому что мне уже изрядно надоела эта игра в жмурки-жмурики, которая имела возможность закончиться не самым лучшим образом, и зажмурить в итоге могли меня.

Выбравшись в обеденный зал, я привстал на колени и выглянул из-за стойки бара. Темно-бордовый автомобиль, израненный барменом, стоял на том же месте. Заднее боковое окно было приоткрыто и в нем мерцал чей-то внимательно наблюдающий за происходящим глаз.

Мои маневры он вряд ли приметил, потому что я ловко замаскировался посреди разбитых бутылок и прочего изувеченного барного хозяйства, но все равно действовать нужно было предельно осторожно.

Претворяя это соображение в жизнь, я встал на четвереньки и направился к входной двери, держа на локте автомат и от всей души надеясь, что Стеблю не придет в голову именно в этот момент выглянуть из кухни и приметить меня, вооруженного и делающего ноги.

Мне опять повезло. До небольшого чуланчика-тамбура, отделяющего территорию кафетерия от внешнего мира, я добрался без приключений и вполне незамеченным. Там, осторожно прикрыв за собой дверь, поднялся на ноги и сквозь небольшую щель осмотрел улицу с целью прояснить обстановку.

Пытливый глаз так же поблескивал в открытом окне автомобиля, но направлен был теперь не в мою сторону – он все еще контролировал разгромленный бар и исходящую паром кухонную дверь.

Воспользовавшись тем, что меня оставили без надзора, я перехватил автомат поудобнее, ударом ноги распахнул дверь и вывалился наружу.

Глаза в джипе сверкнули в моем направлении, и было в их взгляде столько изумления, что мне, честно, даже дышать легче стало – значит, мы с этим глазастым квиты. По количеству удивлений на душу населения.

Пока владелец глаз не опомнился, я поднял автомат и одной длинной непрерывной очередью, постоянно борясь с отдачей, выпустил весь магазин в темно-бордовый джип. Там сидели люди, но что с того? Они сами не останавливались перед убийством, да промедли я немного, они бы и меня порешили, так что жалеть их у меня не было ни времени, ни сил, ни возможностей.

Автомобиль, по мере опустошения автоматного магазина, превращался в руины, теряя стекла, оптику, проседая на шинах, и наконец попросту взорвался. Фейерверк был красивый и для меня вполне безопасный, поскольку я стоял достаточно далеко от места взрыва. После него надобность в продолжении стрельбы отпала, и я, сорвавшись с места, побежал к своей «Волге», которая сиротливо желтела метрах в пятнадцати за джипом.

Пробегая мимо горящих останков неприятельского автомобиля, я бросил в него автомат, который был мне уже без надобности, и продолжил свой путь, не беспокоясь о нем – огонь слижет отпечатки пальцев, а остальное меня не касается.

Распахнув дверцу, я уже приготовился было к прыжку в салон, за баранку, когда меня догнал яростный вопль – напарник Шкилета, осторожный Стебель, выскочил из кафетерия на звуки стрельбы, но пока искал дорогу в тумане, опоздал и поспел только к шапочному разбору.

Ядовито усмехнувшись, я бросил тело на причитающееся ему – согласно трудового договора – место и сорвал машину в полет, уже на ходу захлопывая дверцу. Мне в след полуденное небо разорвала сухая и злобная автоматная очередь.

2

Дело, конечно, такое, что забыть о нем начисто при всем желании вряд ли возможно. Пройди после этого хоть десять лет, хоть десять с половиной. Что ни говори, а не каждый день приходится попадать под артобстрел, шкериться по самым неожиданным закоулкам, стрелять и убегать. Оно понятно – со стороны наблюдать куда как интересно, но вот переживать все это, испытывать на собственной шкуре – занятие малопривлекательное и неприбыльное, разве что в смысле жизненного опыта. Но что такое жизненный опыт для того же, скажем, бармена? Особенно после того, как он расцеловался с миной, выпущенной из базуки? Так, пара слов. Впрочем, после прямого попадания его и слова мало трогают.

Я сумел скрыться с места крутых разборок целым и невредимым, если, конечно, не считать потрепанных нервов и одной ночи кошмарных сновидений. Я мог бы гордиться и провозгласить себя именинником, если бы не Генаха Кавалерист, который во время пьянки, случившейся на следующий вечер, долго смотрел, как я ловлю губами ловко укорачивающуюся стопку, а потом философски изрек:

– Ты это, Мишок... Доктору, что ли, покажись... Что-то не нравишься ты мне, нервный какой-то стал, дерганый. Руки ходуном ходят. Пьешь, что ли, много? Или перетрудился? Покажись, Мишок, доктору, это я тебе как друг советую, – и налил по новой, потому что во время его речи я сумел-таки поймать край посуды губами и высосать водку, пока рюмка опять не убежала куда-то.

Этим простеньким замечанием он испортил мне всю атмосферу праздника освобождения от опасности. Какой бы эта атмосфера не была жиденькой, она давала мне повод считать себя почти героем. А после слов Генахи я погрузился и задумался.

Простор для мыслей имелся. Но мысли могли быть какими угодно, а отправная точка у них была одна – тот самый напарник Шкилета, Стебель, выпустивший вслед моему убегающему такси злую очередь из автомата. Если в скором времени вокруг меня случится хипеш, то виной ему будет этот человек.

Я допустил ошибку, не убрав и его. Я действовал без жалости, расстреливая темно-бордовый джип и тех – или того – кто в нем находился. Но нужно было действовать еще безжалостнее, истребив и осторожного. Они не хотели оставлять живого свидетеля – и мне нужно было поступить так же. Просто как-то не сообразил вовремя, что осторожный имел возможность приметить номер моей машины, а значит, при известной настойчивости, отыскать и меня самого.

И они будут искать, как пить дать. Убрать свидетеля – святое дело. Устроят облаву, обвешают флажками. И никуда я не денусь – рано или поздно выйду под выстрел. И тогда уже поздно будет доказывать, что ты, собственно, не при чем, что, даже имея желание, навредить не сможешь, потому что, вопреки их мыслям о тебе, не успел даже номер джипа запомнить и марку определить – не до того было. Только цвет. Но мало ли в большой, как сердце бабушки Ленина, стране, темно-бордовых внедорожников?

Ситуация, что и говорить, невеселая. Самое досадное, что я не мог последовать старому правилу рыбок-пираний, которые утверждают, что лучшее средство обороны – это атака. Потому что я не знал, кого представляет Стебель. Обидно, но факт.

Такие вот мысли пробудило во мне небольшое и ни к чему, по сути, не обязывающее замечание Генахи Кавалериста. И я стал ждать. Довольно тоскливое состояние, особенно когда ждешь чего-то неприятного для себя. Но выбора у меня не было, и оставаться постоянно начеку – это самое большое, что я мог в данной ситуации сделать.

Но как можно оставаться начеку, будучи в стельку пьяным? Понять этого я не мог. И воплотить в жизнь свою программу-минимум тоже. Потому что именно в стельку я и был пьян

буквально через полчаса после Генахиного замечания. Я, конечно старательно таращил глаза и вообще всячески изображал боевую готовность номер один, но на самом деле, случись что, и со мной было бы покончено. Хорошо, что Генаха, как верный товарищ, загрузил меня в машину Габрияна и доставил к самому дому – и даже к квартире поднял, заботливый, – после чего удалился, полный чувства выполненного долга. Я же, оказавшись в собственной квартире, сразу погасил фары-глаза, выключил локаторы-уши и забылся мертвым сном, расположившись прямо на половичке в прихожей.

Там я и проснулся ранним утром следующего дня. Вернее было бы сказать – темной ночью, поскольку времени было едва-едва за четыре. Но я не стал размениваться на подобные мелочи, потому что знал и себя, и возможности своего организма – раз я с похмелья, а сон прерван, значит, восстановить его в ближайшее время не удастся. Как минимум – через несколько часов, да и то при удачном стечении обстоятельств.

Проснулся же оттого, что кто-то с маниакальным упорством насиловал дверной звонок, который я, в припадке активной хозяйственности, привинтил справа от двери года полтора назад. Я никогда не жалел об этом поступке, и теперь собирался выколоть насильнику по меньшей мере оба глаза, потому что он явно вознамерился испортить плод моих трудов.

Однако прибегать к физической расправе не пришлось. Главным образом потому, что перед дверью стоял не какой-то хрен с бугра, а мой напарник по баранке, мой личный сменщик Ян. Я мог бы заподозрить его в чем угодно, даже в том, что он ворует мои дырявые носки с целью злостной перепродажи их на черном рынке, но только не в порче моего имущества. Ведь воровство – не порча, так?

Кроме того, у Яна не было привычки хаживать ко мне в гости без веской на то причины. И уж тем более он никогда не делал этого в начале пятого утра. Поэтому я решил, что лучше взять себя в руки и выяснить, за каким хреном он приперся ко мне в такую рань. Я так прямо и спросил его:

– За каким хреном ты приперся ко мне в такую рань, Литовец? Что за дурацкая привычка – поднимать людей с половичка, когда они, можно сказать, только-только прилегли отдохнуть?

Ян посмотрел на меня и сразу все понял. Наверное, моя физиономия напоминала смятую промокашку. Ничего удивительного в этом не было. Никакая промокашка не выдержит столько, сколько накануне поимело мое лицо. И Ян глумливо усмехнулся:

– Ладно, Мишок, не журись. Все равно ты в прихожей не выспался бы.

– А ты откуда знаешь? – нахмурился я. – Пробовал, да? А я думал, что тебя, как человека семейного, жена сразу на постель переносит. Как-никак, кормилец семьи. Беречь надо.

– Много говоришь, – нахмурился и Литовец. Что поделать, ему не нравилось, когда я пускался в подробности относительно его семейной жизни. Когда такое случалось, он начинал чувствовать себя ущемленным. Черт его знает, почему. – Я тебе новость принес. Надеюсь, не очень радостную.

– Вот такая ты сволочь, – огорченно констатировал я. – Нет, чтоб денег принести, так ты новости плохие таскаешь.

– Я не сказал, что она плохая, – возразил Литовец.

– Ты почти сделал это, натурально.

– «Почти» не считается. И вообще, Мишок, ты много говоришь! Ты опять много говоришь! Как с тобой ни начни разговор, ты всегда очень много говоришь!

– Меня природа таким сделала, – грустно признался я. – А ей мама с папой помогали. Ладно, говори свою нехорошую новость.

Ян, однако, не стал с этим торопиться. Небрежным жестом отодвинув меня в сторону, протиснулся в прихожую, слегка вытер ноги о половичок, на котором я так недавно давил ухо, и прошел в кухню. Я слегка ошалел от такой наглости, но бить его все равно не стал, потому что друзей ценю в любом состоянии. Вместо этого тяжело вздохнул и двинулся за ним.

Ноги передвигались с трудом – сказывалось похмелье. Но я упрямо шел вперед – меня гнало любопытство.

В кухне Литовец набрал в кофейник воды и поставил его на плиту. Он чувствовал себя, как дома. Я уселся на стул и принялся наблюдать за ним тяжелым взглядом. Взгляд был тяжелый не в том смысле, что злой, а в том, что похмельный. Сам бы я ни за что не справился с тем, что сейчас вытворял Ян. По крайней мере, не с такой легкостью. Хотя он ничего особенного и не делал. Он просто выставил на стол чашки под кофе и готовил бутерброды. Но для меня, в моем состоянии, и это казалось пароксизмом виртуозности (во сказал)...

Наконец, бутерброды оказались на столе, в чашках задымилось, испаряясь, кофе, и я, вцепившись в одну из них обеими руками, потребовал:

– Ну не тяни ты резину за хвост, Ян! Рассказывай!

Но Литовец не был бы Литовцем, если бы сразу приступил к рассказу. Он все и всегда делал с чувством, с толком и с расстановкой. Даже детей. Я мог бы поспорить с кем угодно и на что угодно, что на каждого из двух своих отпрысков Ян потратил не меньше десяти подходов. Не просто попыток, а результативных попыток.

В этом была вся его суть. Вот и сейчас он сперва основательно устроился за столом, откусил кусок бутерброда, сделал глоток кофе и, тщательно прожевав и проглотив все это, наконец соизволил сказать:

– Ты опять во что-то вляпался, да, Мишок?

Я повторил его маневр относительно кофе и бутербродов и сказал:

– Ты, наверное, и сам знаешь. Зачем спрашиваешь?

– Если спрашиваю, значит, наверное, не все знаю, – возразил Ян. – Если бы я все знал, я бы не спрашивал.

Последний довод убил меня наповал. Я потянул носом воздух, набирая побольше кислорода, и выдохнул:

– Ты мне, Ян, хочешь верь, хочешь – не верь, но я в этом деле совершенно не при чем. Я просто мимо ехал да покушать завернул. Согласись, что я не мог знать, что туда какие-то шлимазлы на предмет разборок заедут?

– И крутые были разборки? – поинтересовался он.

– Что за тон? – я брезгливо поморщился. – Ты мне, можно сказать, лучший друг, а разговариваешь, как следователь. У меня инфаркт от огорчения будет. Зачем тебе этих вещей надо?

– А затем, что ко мне сегодня – ну, то есть, вчера вечером, перед сменой – мент подходил, очень интересовался, где я был в момент этих разборок.

– Да? – я отставил кофе и хмуро посмотрел на него. – И что он еще сказал?

– Он сказал, что на тридцатом километре трассы произошло нападение на придорожную закусочную, при этом погибли сын владельца, жена сына и трое нападавших. И кто-то из случайных свидетелей заметил отъезжавшую с места происшествия «Волгу» с опознавательными лейблами третьего таксопарка и цифрами 7, 8 и 9 на номерном знаке. У нас в парке только одна машина с такими цифрами, Мишок. Наша.

Ян все это выложил спокойно, даже не думая прерывать трапезу. Я буквально подышал от зависти к его непробиваемости. Если бы бармен из злосчастной кафешки обладал чем-то подобным, он и посейчас был бы живее всех живых. Сын хозяина, гм... Видать, потому и разговаривал с посетителями – со мной, в частности, – через губу. Такая значительная персона, а его заставили клиентов обслуживать. Вместо того чтобы папашины доходы на бухло и девочек спускать. Вот и свербело у парня. Ну, да отсвербелось, чего теперь уж...

– Я знаю, какой номер у нашей машины, Литовец. Мне только интересно, откуда там мог оказаться случайный свидетель, – собравшись, наконец, с мыслями, проговорил я.

– Грибник, – усмехнулся Ян.

– Какой, нахрен, грибник? – удивился я. – Лето еще толком не началось.

– Ты ничего не понимаешь в грибах, – Ян покровительственно посмотрел на меня. – Они прут сразу, как только сходит снег. Так что грибник там вполне мог оказаться.

– Может быть, ты и прав, – я не стал спорить. – Конечно, грибник там вполне мог оказаться. Или рыбак. Или охотник. Или муж, скрывающийся от уплаты алиментов. И вообще, там могла толпиться чертова уйма случайных свидетелей. Но, Ян, честно – убей меня ножиком, если я вру, – я тут совершенно не при делах. Я просто ехал мимо и меня внезапно одолел голод. Это ведь не преступление?

– Мишок, – с серьезной мордой проговорил он. – Я тебе, конечно, верю. Хотя из всех наших бродяг именно тебе приспичило покушать в той забегаловке в тот момент, когда ее собрались ставить на уши рэкетеры. Но я тебе все равно верю. Потому что я знаю твои способности нарываться на мелкие и крупные неприятности. Ну и, – он, наконец, допил кофе и доел бутерброд, отставил все это добро в сторону и посмотрел мне в глаза, – если тебе что-нибудь будет нужно... Помощь или еще чего... Ты обращайся, не стесняйся.

– Я знаю, Ян, – я кивнул с таким же серьезным видом и, в отличие от Яна, поднял свою чашку, ибо в ней еще плескался кофе. – У нас, как всегда, один за всех и все за одного. Тридцать три мушкетера из третьего таксомоторного. С ментом я, конечно, встречусь и поговорю, а вот насчет всего остального – с этим посложнее будет. Потому что я не знаю, какие сволочи разбомбили забегаловку. И, честно говоря, не горю желанием узнать. Я видел, во что они превратили этого самого хозяйского сына и не хочу испытать такие же ощущения. Вообще, Ян, мне себя жалко. И если бы эти хуцпаны забыли про меня, я бы с толстым удовольствием сделал то же самое. Но пакостность в том, что они обо мне вряд ли забудут и постараются достать. А вот когда это произойдет, я позову на помощь и тебя, и всех мушкетеров. Потому что к тому времени уже буду знать, с кем придется иметь дело.

– Если ты к тому времени еще будешь иметь возможность позвать нас на помощь, – возразил Ян и поднялся, явно намереваясь оставить меня один на один со всеми моими нехорошими мыслями. Но, прежде чем он ушел, я поинтересовался:

– Слушай, Ян, а этот мент – кто он? Как мне его найти?

– Балабанов Андрей Ильич из Советского райотдела, – откликнулся Ян. – Ну ладно, Мишок, бывай. Мне еще работать надо. Единственный кормилец, все-таки, – и он, глумливо усмехнувшись, таки покинул меня.

Я остался один и принялся мерить шагами свою кухню. Правда, сказать, что я действительно мерил ее шагами, можно только с большой натяжкой, поскольку я еле ползал. Похмельный синдром навязчиво путался в ногах и не давал делать это энергичнее. Но я старался. Время от времени заправлялся сотворенными Яном бутербродами и глоточком кофе. Но это совсем не помогало. Ни физически, ни умственно. Придумать что-нибудь дельное на сообщенную Яном тему не получалось. Очень неприятное состояние.

Мне не нравилась моя беспомощность, но, поскольку поделаться с ней я ничего не мог, оставалось только бродить по кухне. Чем я и занимался аж несколько часов – до того самого момента, когда решил, что можно звонить в милицию. Время было – начало девятого, и менты уже должны быть на работе. Они ведь тоже должны там появляться, менты-то. И я взялся за телефонную книжку.

Глухой голос человека, три дня без перерывов на обед ловившего бандитов в самых значных точках города, мне понравился не очень. Еще меньше, подозреваю, мне понравилась бы его физиономия, доведись ее увидеть. Однако бог миловал и я вполне обошелся без визуального контакта. Предпочел бы, пожалуй, обойтись и без акустического, но с этим поделаться ничего было нельзя – звонок в милицию мне был нужен, как деньги, и просить, чтобы усталый мент передал трубку кому-нибудь посвежее, казалось глупым и неприличным.

– Отделение! – первым делом хрипло и прокурено сообщил мент.

– Э-э, здравствуйте, – слегка растерявшись от его тона, проблеял я.

– Ну? – еще хмурше и прокуренней согласился мент.

– А какое это, извините, отделение? – на всякий случай спросил я. Похмельный синдром все еще давал о себе знать, и я никак не мог выйти на привычный уровень самоуверенности. И мент это почувствовал, потому что в его голосе прорезались не только хмарь и табачный дым, но и крайняя степень раздражения.

– Это Советский райотдел милиции, – заорал он. – А вы, молодой человек, что ли, не знали, куда звонили?

– А я, между прочим, не такой уж молодой, – обиделся я. – И я знал, куда звонил. Просто удостовериться хотел, куда попал, – судя по тому, какой вздох раздался в трубке, стало ясно, что мент запасается кислородом на предмет выливания на меня ушата-другого помоев. Не горя желанием принимать все это добро на свою голову, я поспешил добавить: – Мне некто Балабанов Андрей Ильич нужен. Если вам, конечно, не трудно. А я был бы вам чрезвычайно признателен.

– Балабанов, – уже гораздо спокойнее вздохнул уставший мент. – А по какому поводу он вам нужен?

– По поводу стрельбы из разнокалиберного вооружения, – чистосердечно ответил я. – На тридцатом километре загородного шоссе. В какой-то ублюдошной забегаловке. Названия, пардон, даже не помню.

– А кто его спрашивает? – вопрос, на мой взгляд, был совершенно идиотский, но сообщать об этом прямо я постеснялся, выбрав окольный путь:

– Вы же меня все равно не знаете. Я Мешковский. Михаил Семенович.

Я все-таки слегка ошибался. Никогда бы не подумал, что страдаю такой популярностью в правоохранительной среде. Впрочем, простая случайность – позвони я еще по десяти ментовским номерам и назови свое имя, и не был бы никем узан. Но этот товарищ с голосом заядлого борца с организованной преступностью, видимо, уже имел со мной дело. Потому что вспомнил меня. А, вспомнив, радостно протянул:

– А-а, Мешковский! Ну как же, как же. Зря ты говоришь, что я тебя не знаю. Очень даже неплохо знаю. Дело Ломановых помнишь?

– Помню, – осторожно откликнулся я. Дело я действительно помнил, но кто был в том деле мент, что сейчас разговаривал со мной, не знал. Слишком плотно мне пришлось в тот раз пообщаться с милицией. С очень многочисленными ее представителями, так что выделить кого-нибудь по голосу сейчас при всем желании не смог бы. Но мент и сам об этом догадался:

– Меня ты, конечно, не помнишь. А вот я тебя хорошо запомнил. У меня, понимаешь ли, профессиональная, очень тренированная память, так что я где только фамилию услышу – сразу запоминаю.

В его голосе было столько самодовольства, что я не выдержал и порадовался за человека:

– Поздравляю!

– С чем? – подозрительно спросил он, опасаясь скрытой насмешки с моей стороны.

– С профессиональной и очень тренированной памятью, – объяснил я. – А вот у меня она совсем херовая. Давеча трусы куда-то заныкал, так до сих пор вспомнить не могу – куда. Приходится без трусов ходить. Жутко неудобно – яйца инеем покрылись.

– Ну ладно, остряк, – холодно сказал мент. – Думаю, мы еще как-нибудь встретимся. Не доверяю я таким, как ты, случайным свидетелям. Один раз на месте происшествия можно оказаться случайно. Ну, два – от силы. Но не четыре же раза в течение года! Я о тебе в том году справки наводил – именно столько раз ты в свидетелях ходил. Ну, да ничего. Сколько вейвочке не виться, а конец всегда найдется.

Мне не совсем понравились его угрозы, потому что я не затем звонил, чтобы свернуть себе пару нервных окончаний. И я буркнул:

– А у меня сосед по даче, так в него молния семь раз попадала. Все никак добить не может. Он уже совсем инвалид, на коляске гоняет, а у молнии все никак прицел не наладится. Тоже злой умысел? Ладно, кончай ты этот балаган. Мне Балабанов нужен. Говорю же, без трусов сижу.

– Записывай, бабуин! – зло сказал мент и продиктовал номер телефона. Только я записывать не стал, понадеявшись на свою память, и тут же продублировал его на телефонном диске.

На другом конце трубку сняли так быстро, что у меня невольно возникло подозрение – звонка ждали.

– Алло? – спросил меня импозантный голос. Совсем не по уставу, но я не стал заострять на этом внимание.

– Андрей Ильич? – в ответ спросил я.

– Он самый, – согласился голос.

– Вы слышали, как я с вашим коллегой беседовал?

– Слышал, – импозантный голос изобразил улыбку, насколько это возможно для голоса. – Мы с ним в одном кабинете сидим. Ба-альшой такой кабинет. И акустика замечательная.

– Вы там а-капелла часто поете?

– Что? – удивился он.

– Ничего, – поспешил сказать я. – Вы на меня внимания не обращайтесь. Во-первых, меня ваш коллега завел, а во-вторых, я сегодня, честно признаться, с дикого бодуна головой страдаю. И у меня недержание речи. Я Мешковский. Вы знаете, кто я?

– Вы – Мешковский, – повторил он. И, после секундной заминки, добавил: – Вы – водитель того самого такси, что было замечено на месте перестрелки. Так?

– В яблочко, как из пистолета, – похвалил я. – Вы вчера общались с моим напарником, который Ян Литовец, и он рассказал мне о вашем разговоре. Только вам нужно со мной беседовать, потому что он тут – там, да? – совершенно не при делах. Его там не было. Там я был.

– Это хорошо, что вы позвонили, – сообщил мне Балабанов, – Только почему вы сразу не сообщили о произошедшем?

– Боялся, – я передернул плечами. – Если бы вы там были, вы бы меня поняли. Только вы там не были, а я не поэт, описать не смогу. Но страшно. Черт.

– Понятно, – успокаивающе сказал Балабанов. – Ну что ж, еще не поздно. Можете вы подъехать в отделение?

– Наверное, могу. Моя смена сегодня в восемь начинается. Я имею в виду вечер.

– Я понял, что вечер, – успокоил Балабанов. – Утро уже прошло.

– Да, правда? – я посмотрел на часы. Утро, собственно еще не прошло. Но восемь часов действительно были позади. – Послушайте, Андрей Ильич, а можно сделать так, чтобы вашего напарника при нашем разговоре не присутствовало? Что-то он мне доверия не внушает – сердитый какой-то. Может, у него на меня зуб имеется? Он из пистолета хорошо стреляет?

– Бросьте глупости городить, – заржал Балабанов. – Но, если уж вам так хочется, мы можем встретиться где-нибудь вне конторы. Хотите, я к вам на работу заеду перед сменой? Где вы находитесь, я теперь знаю. И машину вашу тоже знаю.

– Ну, если вам так будет удобно, – я удивился. Редко встречаются менты, готовые оказать тебе любезность. Но Балабанов объяснил свой альтруизм просто:

– Мне будет удобно. Я собираюсь сегодня после работы пивка попить, а минутах в десяти от вашего таксопарка есть неплохая пивнушка. Так что к семи мне будет очень удобно. Ну как, договорились?

– Конечно, договорились, – поспешно сказал я. И мент повесил трубку.

Я действительно был весьма признателен Балабанову за его предложение. И не потому, что боялся его коллеги, имени которого так и не узнал. Хотя и это, конечно, тоже. В мои ближайшие планы вовсе не входило заводить себе недоброжелателей среди ментов, а после недав-

ней словесной пикировки я готов был спорить на что угодно – дружба с этим памятливым мне уже не грозила. Но, главным образом, мне пришлось по вкусу, что не придется тащиться на другой конец города с разваливающейся на части головой. У меня было подозрение, что подобного издевательства над собой я могу просто не пережить.

Короче говоря, мент меня выручил. Ну, на редкость хороший экземпляр попался. И, весь искрясь благодарностью к нему, я отправился спать. Похмельное возбуждение прошло, настало время сна. Чем я и воспользовался, чудом не забыв завести будильник.

3

Мент Балабанов и на вид оказался довольно импозантным мужчиной. Будь я женщиной, я бы в него непременно влюбился. Но я женщиной не был, а потому решил не впадать в крайности.

Балабанов был толстоват, шевелюрист и имел одежду в виде элегантного темного костюма стоимостью в половину моей зарплаты.

Андрей Ильич изрядно попахивал пивом, но он был мент, и ему это было можно. Я же был таксист, к тому же перед сменой, и мне нельзя было попахивать ничем алкогольным, однако я попахивал перегаром. Не сильно, но все-таки. Однако, будучи под впечатлением нескольких литров «Жигулевского», Балабанов ничего криминального во мне не обнаружил.

– Это вы – Мешковский? – спросил он, застав меня в тот самый момент, когда я, бессовестно лодырничая, слонялся по гаражу.

– Таки да, – я окинул его подозрительным взглядом. В тот момент я еще не знал, что он Балабанов и мог предположить все, что угодно, вплоть до того, что передо мной – замаскированный негр, заброшенный в наш таксопарк с целью промышленного шпионажа в пользу какой-нибудь недоразвитой африканской державы. Но с виду он выглядел очень даже прилично, во всяком случае, совсем не так, как должен выглядеть агент африканской разведки. Кроме того, я заметил, что на меня косые и счастливые взгляды бросает завгар Макарец, и понял, что это он подослал ко мне незнакомца и теперь рассчитывает, что я огребусь крупных неприятностей. Ну, не любил он меня, завгар Макарец.

– Я Балабанов из Советского райотдела милиции, подтвердил мою догадку незнакомец, оказавшийся знакомцем.

– Понял, – кивнул я. – Пойдемте отсюда в аккумуляторную, а то что-то мне Макарец не нравится. Как бы он косоглазие на старости лет не заработал. И так дурной, а тут еще и косым станет. Полная трагедия. Эзоп валяется.

– Эзоп басни писал.

– Все равно пойдем в аккумуляторную. Макареца жалко.

Я развернулся и направился вглубь гаража. Балабанов не стал возражать против моего предложения, но на всякий случай уточнил:

– А кто такой Макарец?

– Тот мишугенер, который вам на меня указал. Он вечно мне всякие козни строит. Не любит людей, у которых коллекция зубов больше, чем у него.

– У вас больше? – усмехнулся мент.

– Нет, – я покачал головой. – У него меньше. Моими стараниями.

– Занятная история, – сказал он.

– Это не история, это современность, – сказал я.

В аккумуляторной мы устроились за обшарпанным и изрезанным всякими непристойностями столом и мент, прочитав парочку из них, принялся за дело. Он записал все мои данные, включая образование, и спросил:

– Итак, что вы можете показать по существу вопроса?

Я показал все, что мог. Умолчав, правда, о том, что сам принимал участие в смертоубийствах. Мне совсем не улыбалось объясняться с ними по этому поводу. Про Шкилета, правда, пришлось рассказать. Но мой рассказ значительно отличался от того, что имело место быть на самом деле. Я не рассказал, что проломил ему лоб поварешкой. Да Балабанов вряд ли и поверил бы в это: расколоть череп здорового мужика обыкновенным половником – такое только в сказках бывает. Или при игре в лотерею. Правда, наша жизнь и есть одна большая игра в

лотерею, но поди объясни это Балабанову, из которого прагматичность прет, как дерьмо из расколотого унитаза.

Вместо сказочной правды я рассказал правдивую сказку. Якобы выскочил позади налетчика и толкнул его в спину, после чего тот растянулся на полу, а я побежал к выходу. При этом забыл сообщить, что прихватил Шкилетов автомат. И вообще сказал, что когда выскочил из забегаловки, джип уже пылал синим пламенем. Наверное, бармен попал куда-то в гиблое место, сказал я. Балабанов согласно кивнул – да, наверное.

– И все-таки, – задумчиво проговорил он, закончив записывать мой рассказ, – почему вы сразу не обратились в милицию?

– Я что – смерти хочу? – я удивленно поднял брови. – Говорю же, там еще один хуцпан оставался, который Стебель. Очень может быть, что он меня видел. Номер моей машины – уж точно. А я ведь о них ничего не знаю, кроме цвета тачки. Так что и вам помочь, понимаете, не очень могу. Честно говоря, мне жаль, что я в такое дерьмо влип. Моя бы воля – так на пушечный выстрел к той поганой забегаловке не подъезжал бы. Как говорится, знал бы, где упадешь, так и пить бы бросил.

– И все равно вам следовало сразу обратиться в милицию, – упрямо повторил мент.

– Зачем? – я начал сердиться. – Объяснил же, что помощи от меня – ноль. Я ведь и Стебля этого в глаза не видел. А по голосу я его опознать не смогу – у меня на голоса память хреновая.

– И на труссы, – с самой серьезной миной заметил Балабанов. Я попытался подавиться собственным языком, но из этого ничего не получилось. Во-первых, потому, что язык в глотку не пролез, а во-вторых, мент больше никаких колкостей и гадостей в мой адрес говорить не стал. Вместо этого продолжил втолковывать свою точку зрения: – Видите ли, товарищ Мешковский, вы являетесь важным свидетелем. И не вам, с вашим-то опытом, объяснять, что есть важный свидетель. И потом, представьте себе такую ситуацию: ваше такси находят бандиты и превращают ее в решето. Человек в машине погибает. Хорошо, если это будет ваш напарник – тогда вы еще сможете прийти к нам и рассказать, какая связь между расстрелом такси и тем, что произошло в кафетерии. Ну, а если за рулем в этот момент будете находиться вы? Тогда результат окажется плачевным – никто никогда не узнает, что между этими двумя событиями существует прямая связь.

Довод был идиотский. Я так и не понял, что хорошего может быть в том, что за рулем гипотетически расстрелянного автомобиля окажется ни к чему не причастный Ян. Еще меньше я понял, какую поимею выгоду с того, что менты узнают, что меня убили как свидетеля, если я к тому времени все равно буду мертвый. Я спросил об этом у Балабанова, но тот ответил мне еще более глупой сентенцией:

– Но ведь твоя гибель будет отмщена! Преступники – наказаны. Справедливость восторжествует!

– И что? – удивился я. – У меня на том свете банковские счета жиром обростут? Или, может быть, я воскресну?

– Вы почему только о себе думаете? – удивился он.

– А о ком мне еще думать? – возразил я. – Когда я двину кони, остальные для меня станут глубоко фиолетовы. Как и высшая справедливость. И прочие ерундовинки этой жизни. Меня будет только одно волновать – чтобы черви кушали меня не больно.

– А вы, оказывается, циник и эгоист, – заметил Балабанов.

– Конечно, – я не стал запыряться. – Большинство людей в этой жизни – циники и эгоисты.

– Значит, по-вашему, я эгоист? – он усмехнулся с чувством превосходства себя надо мной. – Вы ошибаетесь. Я работаю во благо общества. Я делаю мир чище и лучше.

– Боже! – я вытаращился на него. – Только не говорите мне, что вы это всерьез, а то я начну плакать и утону в собственных слезах. Я – общество? Таки да, я думаю, что я – общество. Вы говорите мне, что работаете в мое благо. Допустим. Только для меня мало блага во встрече с

вами. Охота за мной, как за важным свидетелем, все равно начнется. Меня загонят за флажки и в конце концов пристрелят, как последнего волка. И все это безо всякой пользы для общества. Просто за то, что я видел преступление. Даже не преступников. Зато вам будет прямая и вполне очевидная выгода – для вашей карьеры ничего лучше такого свидетеля, как я, нет и быть не может.

Балабанов уставился на меня изумленным взглядом и после нескольких минут молчания кивнул:

– Вы, конечно, в некоторой степени правы. Но только в некоторой степени.

– Конечно, – кивнул я. – В некоторой степени. Кто же спорит. Если бы я был во всех степенях прав, я бы с вами даже встречаться не стал. Ладно, лейтенант. Давайте замнем этот вопрос для ясности. Где мне расписаться в вашем протоколе?

– Я не лейтенант, – возразил Балабанов, но на место подписи все-таки указал.

– Да ладно вам, генерал, – сказал я, расписываясь. – Не придирайтесь к мелочам. Я свободен?

– Да, конечно, – он не стал настаивать на продолжении беседы, понимая, что из меня все равно ничего больше не выжмешь. Потому что я, как сказал один мой знакомый геолог, порода бедная, выработанная. Но на всякий случай мент предупредил: – Если понадобится что-нибудь еще, я тебе позвоню.

Я не стал отвечать, потому что отвечать было бессмысленно – он все равно поступит так, как сочтет нужным. Потому что он был – власть, а я всего лишь шоферюга. Я просто поднялся и вышел из аккумуляторной.

В боксах работа кипела вовсю, потому что шла пересменка, и измотанные да усталые передавали власть над баранкой свежим и выспавшимся. Макарец, лентяй, бездельник и полная амеба во всех отношениях (разве что размножался не делением, а методом тыка), носился с журналом, изображая деловую активность и пихая свой кондуит всем вновь прибывшим на предмет расписаться.

Соблюдая порядок, поставил свой автограф и я. Макарец внимательно посмотрел мне в лицо, пытаясь прочесть по нему результаты переговоров с Балабановым. Но сделать это ему не удалось, потому что я, догадавшись о его намерениях, высунул язык в виде дразнилки, развернулся и пошел к машине, по ходу движения перемигнувшись с диспетчершей Женькой. Она тоже не любила Макареца – по той простой причине, что его никто не любил, – и видела, как я показал ему язык. Это ей понравилось. И она продемонстрировала мне большой палец в качестве одобрения.

Я принял этот скромный знак внимания и, поскольку никаких специальных заказов на этот вечер для меня не поступало, уселся в машину и отправился ловить случайных клиентов.

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. Даже больше – мне повезло с клиентурой. Примерно в час пополуночи возле одного из ночных клубов я подобрал в сиську пьяного мужика, который выгуливал двух своих подружек. И они целых три часа катались по городу, время от времени выкрикивая похабщину в открытые окна. Оказалось, дамочки приехали из Москвы на предмет заключения какого-то договора с одним из местных банков. Поскольку вся троица целый день проторчала в офисе, на экскурсию по городу им осталась только ночь. Хотя что они могли увидеть в таком состоянии – большой вопрос.

Но я им даже не собирался задаваться. В конце концов, это их экскурсия. Мое дело маленькое – крутить баранку да собирать деньги. А за три часа, да по ночному тарифу сумма накапала немалая. Когда в районе четырех утра они решили, что достаточно поматерились в окошки, на счетчике было в полтора раза больше, чем я обычно собирал за ночную смену. В принципе, мне можно было уже и не колесить по ночным улицам. Однако я, обуреваемый жадной наживы, не собирался от этого отказываться.

Между тем банкир смачно потянулся, захрустев суставами, зевнул и спросил:

– А что, если мы ко мне занырем, а, девочки? Продолжим, так сказать, вечеринку? Все равно завтра выходной.

Откликнулась лишь одна. С трудом орудуя заплетающимся языком, она поддержала предложение своего гида:

– А что, поехали! Гулять – так гулять.

Вторая экскурсантка промолчала. После недолгого замешательства выяснилось, что она спала.

– Вот те раз! – растерянно промямлил банкир. – И что теперь делать?

– Все нормально! – успокоила его подружка. – Едем к тебе, как решили. Чтобы я из-за этой дыры такую возможность теряла? Фи!

– А ее куда? – тупо спросил экскурсовод.

– Куда-куда! В гостиницу! – сказала, как отрезала, командированная. Серьезная женщина, мне даже завидно стало.

– Понял, – получивший ЦУ банкир заметно приободрился. Видно, несмотря на положение, которого достиг, в руководящей длани он до сих пор нуждался. – Ты слышал, шеф? Везем нашу подружку в гостиницу, а потом – ко мне!

– Что за гостиница? – вяло, по случаю сонного состояния, поинтересовался я. – И какой у тебя адрес? Я, извини, не телепат, из головы читать не умею.

– Понял, – снова сказал банкир и открыл было рот, чтобы выдать затребованную информацию, но подружка перебила:

– Едем сначала к тебе. А потом пусть он Верку одну в гостиницу везет. А то разбудим ее, она не захочет в свой номер идти. Еще и за нами увяжется. А я не хочу, чтобы она за нами увязывалась. Я хочу, чтобы мы с тобой до утра наедине побыли...

Во время этой речи голос подружки звучал все интимнее и интимнее. Я буквально физически ощущал, как напрягается под воздействием ее либидо банкир, как трещат по швам его штаны и как готовятся лопнуть от перевозбуждения его глаза.

– Понял, – в третий раз он выхрипел это слово с таким трудом, словно ему на горло наступил какой-то супостат в кованных башмаках. И он назвал мне свой адрес.

Мое дело, говорю, маленькое. Я отвез парочку, куда заказывали, получил деньги за потраченные на них километро-часы, потом еще немного сверху, чтобы хватило добраться до гостиницы – как оказалось, «Светлана». И, проводив взглядом потенциальных любовников, которые – готов сожрать полное собрание сочинений дедушки Ленина, если ошибаюсь – через полчаса потеряют где-то приставку «потенциальные», настолько мило они выглядели, удаляясь к дому банкира. Он, не стесняясь никого, даже меня – хотя, что меня стесняться? я и не такое видел, – засунул руку ей сзади в юбку, а может, и глубже. Она этому не сопротивлялась – напротив, приобняв его правой рукой за то жирное, что некогда звалось талией, сладострастно что-то бубнила в ухо. Походка банкира становилась все более неуклюжей и к подъезду он подошел, имея вид ковбоя, потерявшего по дороге лошадь да так и не заметившего пропажи. Я понимал, отчего у него такая поза. Со мной это тоже иногда случалось. От избытка гормонов в крови. У банкира трещали яйца, натурально.

Я помотал головой, изгоняя сонное оцепенение, заставил глаза принять широко распахнутое положение и поехал.

У «Светланы» меня настиг пик. Тот, кто работал в ночную смену или стоял ночные вахты, знает. Между тремя и шестью утра – в зависимости от физиологии конкретного индивида – у каждого наступает момент, когда любое действие кажется невыполнимым, так хочется закрыть глаза и заснуть. Единственная альтернатива – лечь и помереть. Такой вот момент случился и у меня.

Часы показывали половину пятого, световой день еще и не думал о себе заикаться, а до конца смены было ровно столько же, сколько до скончания времен. Поэтому волей-неволей пришлось быстро что-то изобретать.

К счастью, в гостинице существовал ночной бар. Хотя, с другой стороны, покажите мне сегодня хоть одну гостиницу без такого заведения? Могучим усилием воли вытащив свое сопротивляющееся туловище из-за баранки, я бросил его именно в этом направлении.

Туловище шло, изрядно пошатываясь, но меня это уже мало волновало. Потому что мозг отказывался воспринимать происходящее в обычном режиме. Он вообще отказывался его воспринимать. Для того чтобы сохранить в голове хоть крупницы разума приходилось снова прибегать к услугам силы воли. Та, растянутая между необходимостью тащить куда-то тело и поддерживать хотя бы видимость работоспособного состояния у мозга, скрипела, пыхтела, но пока не рвалась. Медленно, но верно я приближался к бару.

Портье в холле посмотрел на меня не очень дружелюбно – наверное, ему не понравилось мое штормовое состояние, а может, смутила дырка в районе колени на рабочем трико. Но, увидев, куда я направляюсь, препятствий чинить не стал. Подозреваю, что его самого в этот момент терзало такое же жестокое желание приложить часиков по пять на каждый глаз, как и меня. В общем, он остался сидеть. А я продолжил поход.

В баре, когда я туда вошел, что-то тихо погромыхивало – то ли Бон Джови, то ли еще какой Джон. Я в зарубежном металле не силен, а когда полусонный – тем более. Поэтому не стал заикливаться на музыке. Как и на дыму – на котором не только топор, но и его палача можно было вешать без опасения, что они упадут. И на публике, которая накурила столько гадости и сейчас точила друг о друга лясы за бутылочкой пивка или стопкой водки, я тоже заикливаться не стал. Сразу направился к стойке.

Бармен мне понравился. Тощий, длинный и поддатый. Очень похож на художника, если бы профессиональная форма одежды – черные брюки, белая рубашка да галстук-бабочка – не смазывали впечатление.

Когда я нарисовался у стойки, он протирал белоснежным полотенцем какую-то посудину, похожую на гипертрофированный фужер для шампанского. Мое появление на него никакого впечатления не произвело. Он продолжал меланхолично натирать фужеру мозоли.

Я не без труда взобрался на стульчик для пианистов, которые почему-то так любят ставить перед барными стойками, подождал немного, но равновесия так и не потерял. Это меня немного взбодрило. Ровно настолько, чтобы я сумел выдать из себя:

– Сбавь мне, друг, тройной кофе с двойным сахаром. И чем меньше будет посуда, тем лучше.

Бармен скосил на меня правый глаз и поинтересовался:

– Что, кумар давит?

– Почти раздавил, – подтвердил я. – Так что выручай, друг. Если через пять минут кофе не будет, я засну прямо здесь. И распугаю, к чертовой матери, всех твоих клиентов своей дырявой коленкой.

– А хрен ты их коленкой испугаешь, – спокойно возразил бармен. – Их тут недавно какой-то эксгибиционист голый жопой постращать решил, так и что ты думаешь? Они из его жопы пепельницу устроили. «Скорая» увезла.

И, не дожидаясь, пока я выскажу свое мнение по этому поводу, он скрылся в закутке – то ли кухоньке, то ли подсобке – черт их знает, я еще не изведал этот бар так интимно, как тот, что погиб при дороге считанными днями раньше.

Бармен отсутствовал буквально пару минут. По истечении этого времени вновь нарисовался за стойкой, поставил передо мной махонькую чашечку густой черной бурды с убийственным запахом и пояснил:

– самого крепкого всыпал. На себе каждую ночь испытываю, так что знаю, о чем говорю. Лечись, дружок!

После чего, с ловкостью фокусника выудив откуда-то брата-близнеца прежнего фужера, принялся за прерванное занятие.

Я бы никогда не подумал, что кофе может быть таким. То ли мой рецепт оказался виноват, то ли чашечка маловата, – но ведь опять же, сам попросил! – только более противной отравы я в жизни не пробовал.

Когда кружка опустела, сон из моего тела уже наполовину улетучился. Его сей рецепт на трудовые подвиги тоже не вдохновил, и он решил обратиться подобру-поздорову, пока я не выдумал что-нибудь еще более идиотское.

Но я именно этого и добивался. От души поблагодарив бармена и положив на стойку перед ним денежку, я двинулся к выходу – на сей раз намного уверенней, чем шел сюда.

А портье за своим столиком заснул. Я злорадно усмехнулся. Все правильно, нечего было смотреть на меня, как солдат на вошь. Это его бог наказал. Подкравшись на цыпочках, я хлопнул в ладоши. Аккурат под самое ухо.

Получилось громко. Но портье среагировал немножко не так, как я ожидал. Вместо того, чтобы встрепенуться и вскинуть голову, он, видимо, решил, что начался артобстрел и попытался выполнить команду «Ложись!». Это у него получилось хреново, потому что голова сквозь столешницу не прошла. Но звук от удара лбом о деревянную поверхность получился на редкость колоритным.

И только после этого его голова взлетела вверх и ошарашено замотылялась из стороны в сторону, пытаясь одновременно сделать три вещи: вправить мозги на место, сообразить, где она находится и, по возможности, осознать, что же произошло.

Дождавшись, когда глаза портье перестанут судорожно бултыхаться в глазницах, я весьма доброжелательно посоветовал:

– Проснись и пой! А то все добро вынесут. И с тебя последние носки снимут.

Портье не стал сразу вскакивать с целью напинать мне почку, чего можно было ожидать, глядя на его покрасневшее от гнева лицо. Глухо, но на удивление спокойно он проговорил:

– У меня, вошь залетная, в отличие от тебя не только те носки, что на ногах. Дома еще несколько пар имеется. И даже нитка с иголкой есть, не то, что у некоторых.

Он не стал показывать пальцем, но взгляд, брошенный в район порванной коленки на моем трико был достаточно красноречив. Однако я в долгу не остался, весело объяснив:

– А это не от нищеты дырочка. Это – кусочек стриптиза. Утешительный приз для местных вошек, которые спросонок о стол головой долбятся. Мозги на место вправлял? Боксер, наверное...

Меня уже несколько раз предупреждали, что однажды я перейду границу, если не научусь затыкаться вовремя. Похоже, сейчас именно это и произошло. Портье медленно и грузно, уперевшись костяшками пальцев в стол, поднялся и навис над ним, сверля меня взглядом из-под насупленных бровей. Вдоволь насверлившись, он начал рычать:

– Да я тебя сейчас порву, чмо голопузое! Ты чего сюда приперся? Зачем над ухом хлопаешь? Думаешь, тебе все сойдет с рук, потому что о такого бомжару, как ты, никто мараться не захочет? Ко мне это не относится, мне руки марать – не привыкать. Сейчас я тебя в порошок сотру! Я пол-Афгана прошел...

– А полдороги на хрен – слабо? – оборвал я его. – Если я таки бомж, то ты – Майя Плисецкая. Только ты не Майя Плисецкая, потому что тебе яйца мешают. Отсюда вытекает, что я не бомж. Догоняешь? Я – честный таксер, и таких, как ты, шелкоперов, по домам с утра развожу, – портье за время этой речи густо налился краской, и, когда я закончил, качнулся было из-за стола, чтобы показать, как он ходил по Афгану. Поэтому я поспешил добавить: – А

будешь драться – я монтировку достану. Я честный таксер. Я ее всегда с собой ношу. Хочешь, продемонстрирую?

Вряд ли он поверил в мое последнее заявление. Но оно его, во всяком случае, успокоило – хоть я и не понял, чем. Сдвинувшись, словно воздушный шарик, в который ткнули иголкой, портье опустился обратно в кресло и махнул рукой:

– Вали в задницу, а? Честный таксер...

Мне стало неловко. Человек, оказывается, хороший, бить меня не стал. А я его так жестоко разыграл.

– Извини, – сказал я. – Дурацкая получилась шутка.

– Это точно, – кивнул он. – Но за то, что разбудил – спасибо. И за встряску. Лучше всякого кофе.

Я нервно хохотнул и, недоверчиво поведя головой, пошел к выходу. Странный тип, коль за такие мои приколы мне же еще и благодарность объявляет.

Выйдя из гостиницы, я прошлепал к машине, устроился на привычном месте и вдруг увидел в зеркальце заднего обзора силуэт дамочки, ради которой, собственно, и приехал сюда. Мне следовало разбудить ее сразу, как только мы прибыли, но в тот момент я был настолько сонным, что не очень от нее отличался и мало что соображал – ни где, ни кто я, ни сколько денег в дырявом кармане моего трико. А сейчас вдруг отчего-то стало жалко будить человека.

Вынув из бардачка сигарету, я закурил. Третья за смену. Неплохо держусь. Так я боролся с самим собой – после того, как обнаружил, что выкуриваю по восемь сигарет за ночное дежурство и решил, что это многовато. Теперь вот – третья. К пересменке, максимум, сделаю еще парочку. В общем, неплохо.

Выпустив струю дыма в потолок, я развернулся в кресле и, включив в салоне освещение, стал рассматривать пассажирку. Ну и что из того, что время текло? Я вообще мог уже никуда не ехать, срубив с банкира кругленькую сумму.

Пассажирка, наверное, была довольно привлекательной. На вид – лет тридцати. Как и я (по паспорту). Но точно оценить степень привлекательности было сложно. Вот если бы увидеть ее спящей не в салоне такси в стоянии изрядного подпития, а, скажем, в кровати и трезвую, и желательно – все-таки не спящую, потому что сон на какое угодно лицо способен наложить какое угодно выражение. Самый лучший вариант – с косметикой, нанесенной так, как она ее обычно наносила, когда собиралась подать себя в наилучшем виде. Но чего не было – тог не было. Мне оставалось разглядывать неудобно согнувшуюся фигуру в свете тусклого салонного фонаря, который далеко не самым лучшим образом оттенял ее лицо. Да и с косметикой был непорядок – видно, неплохо погуляла сегодня девушка. Тушь и губная помада размазались, прическа тоже разлохматилась.

Однако и такой сессии хватило, чтобы с уверенностью сказать – помывшись и почистившись она вполне сойдет за свою на любом светском рауте. Волосы средней длины и, что главное, натуральные, некрашенные – дамочка была блондинкой. Вздернутый носик, припухшие губки, которые, наверное, вкусно целовать. Но больше всего мне понравилась белизна ее трусиков, выглядывавших из-под высоко задравшейся юбки.

Докурив сигарету, я выключил торшер и, развернувшись в исходное положение, выбросил окурочек в окошко. Потом решил что, коль скоро кофе уже выпит, спать мне не пристало. А то получится, что я выбросил деньги на ветер. Хоть и мелочь, а все равно жалко. Значит, надо будить пассажирку, освободить машину и ехать на поиски следующих клиентов.

С этой целью я выбрался наружу, открыл заднюю дверь и, проникнув в салон, потряс спящую красавицу за плечо:

– Эй!

Ноль эмоций. Девушка спала и даже в мыслях не держала просыпаться. Я попробовал еще раз – с тем же успехом. Нужно было переходить к более радикальным методам. Я залез

в салон, устроился рядом с ней и, взяв за плечи, принялся основательно трясти, сопровождая эту процедуру словами:

– Гражданочка, проснитесь! Конечная! Поезд дальше не идет!

Подействовало. Она открыла глаза и принялась часто моргать, вертя при этом головой из стороны в сторону. Потратив на это бесполезное занятие минуты две, не меньше, она все-таки догадалась обратиться ко мне, хотя я с самого начала находился рядом и она это видела:

– А где я?

– В такси, – я с облегчением вздохнул. Половина дела была сделана. Теперь оставалось только послать ее в нужном направлении и, главное, добиться, чтобы она пошла.

– А что я делаю в такси?

Я поперхнулся. Таким вопросом дамочка меня совершенно огорошила. Выходило, что она ничего не помнит о своих ночных похождениях. Ни того, как взасос целовалась с любвеобильным банкиром, ни как орала непотребности в открытое окно. Меня взяло раздражение:

– Ты что, ничего не помнишь?

– А что я должна помнить? – пассажирка пристально разглядывала меня соловыми глазами. В полумраке салона ей вряд ли удалось увидеть что-нибудь стоящее, но само занятие, видимо, пришлось по душе, так что взгляда она не отводила. – Что хоть было-то?

– Что было? – я изобразил голосом легкую обиду. – Ну, Верунчик, ты даешь! Да ты сняла меня около ночного клуба и полчаса трахала в машине. И теперь спрашиваешь – что было?

– Правда? – пролепетала она и побледнела – это я разглядел даже при таком хреновом освещении.

– Конечно, правда! Стану я врать в таком деле! – Я подумал и добавил: – И такой женщине. – А затем и вовсе перешел на доверительный полусшепот: – Слушай, Верунчик, как на духу тебе скажу – у меня такой наездницы еще никогда не было. Ты на мне так скакала, что Буденный бы сдох от зависти!

– Правда? – еще тише проговорила она. – Хотя... Может быть. У меня уже три месяца мужика не было, – потом прислушалась к чему-то внутри себя и недоверчиво проговорила: – Только я ничего не чувствую. И почему именно тебя? Я же никогда раньше с первым встречным... И потом – в машине! Фу...

– Что значит – «фу»? – на сей раз я обиделся неподдельно. – В машине – и «фу»? Тебе что – не понравилось? Ах, да, ты не помнишь... Так ты что – никогда раньше в машине сексом не занималась?

– Да нет, конечно! – возмутилась она, словно ее такое предположение оскорбляло до глубины души. – Все это должно происходить в нормальных человеческих условиях, в спальне...

– Ну, ты даешь, мать! – восхищенно протянул я. – И что – ты всю жизнь вот так, в спальне?..

– Конечно! – гордо проговорила она, и я присвистнул:

– Как сексолог сексологу скажу – ты много потеряла. Так много, что даже не представляешь, сколько. Знаешь, какие человека посещают оргазмы, когда он трахается в лифте, дверь которого вот-вот может отвориться и впустить кого-нибудь третьего-лишнего? О-го-го, какие! Припадок эпилепсии по сравнению с ними – детский лепет!

Пассажирка икнула от неожиданного сравнения. Потом недоверчиво посмотрела на меня и спросила:

– А ты часто занимаешься этим... не в постели?

– Постоянно, – с честной миной ответил я. – Жаль, что ты забыла, как это было у нас в машине. Ей-богу, жаль.

– Да, – неуверенно проговорила она.

И я решил – а почему нет? Я мужик и у меня нормальная регулярная потенция, а у нее три месяца как раз мужика-то и не было. Зачем давать друг другу умереть?

Придвинувшись, я положил руку ей на бедро, поближе к тем самым белоснежным трусикам, которые так притягивали к себе мой взгляд десятью минутами раньше. Наклонившись к ее уху, слегка прикусил мочку и прошептал:

– Может быть, повторим? Вот увидишь, что я прав.

Нога напряглась под моей рукой, но убирать ее Верунчик не стала. Вместо этого с сомнением и даже жалостливо поинтересовалась:

– Ты думаешь, стоит?

– Я думаю, таки да! – уверенно заявил я и переместил руку уже непосредственно на трусики. Она не стала возражать, и я воспринял это как разрешение перейти к более активным действиям.

И, когда через час с лишним она выбралась из машины, растрепанная и потрясенная новыми ощущениями, но трижды удовлетворенная, я вынул из бардачка четвертую сигарету и закурил, махнув рукой на дурацкий лимит: после такого секса не закурить было грешно. Мне долго пришлось раздраконивать ее, но когда я сделал это, она измочалила меня, как Никита Кожемяка – бычьей шкурку. Получилось, что, когда я врал ей о том, какая она лихая наездница, я не врал совершенно. За что и поплатился.

Но, в общем, я тоже остался доволен. Теперь хоть две недели без секса – воспоминания об этой ночи вполне заменят его.

Пуская дым в направлении фонаря, я вдруг задумался на тему безопасного секса. Трахались-то мы без презервативов. А вдруг она... Меня даже холодным потом прошибло. Потом подумал – какого черта? Солидная женщина, банкир, все время любила в постели и, по ее признанию, со вполне знакомыми людьми. Я – единственный первый встречный, и моя «Волга» – единственная непостель, так что случайными связями тут и не пахнет. К тому же она сама сказала, что в последние три месяца вообще мужика не имела.

На этом самом месте со мной случился повторный приступ холодного воспотения. А по какой такой причине у красивой бабы в течение трех месяцев не было ни одного мужика? Не по причине ли борьбы врачей с последствиями того, что у нее было прежде – в постели и только с хорошо знакомыми людьми? Ой-ой, нехорошо!

Мне вдруг заикалось. Даже дым в рот лезть перестал. Я нагнулся к пепельнице и заметил на полу белую тряпочку. Поднял. Трусики. Понятно, те самые. Как Париж не услан батистовыми платочками, так и мое такси отнюдь не напичкано женскими трусиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.